

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РИСКОЛОГИИ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Предлагается рассматривать современное транзитивное общество с позиций теоретико-методологических аспектов социальной рискологии. Обосновывается точка зрения, что переход от планово-административной к рыночной модели в экономике, от идеократии к плюрализму в идеологии, от тоталитаризма к демократии в политике и от моностилизма к полистилизму в культуре порождает целый ряд абсолютно новых рисков. Утверждается, что источником многих социальных рисков являются непродуманные ре-

шения органов власти и управления. Применительно к отечественной системе управления такие решения принимаются на социальном, институциональном, региональном и организационном уровнях.

Ключевые слова: социальные риски, социальные группы, регионы, общество, институционализация риска.

A. Shopenko

CONCEPTUAL BASES OF SOCIAL 'RISKOLGY' OF TRANZITARIAN SOCIETY

The modern tranzitarian society is regarded from the perspectives of theoretical and methodological aspects of social riskology. It is argued that the transition from the planning-administrative to the market model in economy, from idiocracy to pluralism in ideology, from totalitarianism to democracy in policy and from monostylism to polystylism in culture entail a lot of absolutely new risks. It is claimed that the source of many social risks is in the unreasonable decisions of authorities and management. In Russian governance system such decisions are accepted at societal, institutional, regional and organizational levels.

Keywords: social risks, social groups, regions, society, institutionalization of risk.

Научное исследование проблем социальных рисков и их роли в трансформационные периоды развития общества логично начинать с решения общих теоретико-методологических аспектов, связанных прежде всего с концептуальными подходами рискологии – междисциплинарного направления, изучающего риск как таковой во всех его проявлениях. Рискология имеет, с одной стороны, собственные специализированные понятия, категории (опасность, риск-менеджмент и т. д.), теоретические построения (например, концепция «общества риска») и, с другой стороны, практические методы исследования (эксперимент, моделирование, наблюдение, документальный анализ и пр.), диагностические средства (методы сбора и анализа информации – такие как мониторинг, тестирование, опрос и т. п.). Обращение к общим проблемам анализа риска в настоящее время предопределяется целым рядом причин.

Во-первых, в конце XX в. Россия вступила в фазу коренных социально-экономических и политических преобразований, перехода от планово-административной к рыночной модели в экономике с соответствующими изменениями в социальной сфе-

ре, от идеократии к плюрализму в идеологии, от тоталитаризма к демократии в политике, от моностилизма к полистилизму в культуре [4].

При столь многосторонних трансформациях в такой сложной системе, как современное российское общество, невозможно предусмотреть все факторы и последствия преобразований, во многих случаях приходится действовать методом проб и ошибок, что неизбежно порождает целые комплексы рисков самой различной природы.

Социальная рискология – один из возможных вариантов обозначения масштабной синтетической совокупности исследовательских направлений, являющихся, в свою очередь, частным направлением в общем комплексе научных дисциплин, изучающих проблемы риска. Социальная рискология анализирует и предлагает решения насущных актуальных и потенциальных проблем, а также исследует социальные аспекты возможных практических решений, ориентируясь, в конечном счете, на задачи, поставленные социальной практикой.

Как только субъективно осознается риск нежелательного развития событий (независимо от соответствия истинности/ложности

этого осознания объективно-реальной ситуации), возникает потребность в оценке вариантов и последствий, «включаются» рисковые части социологии, политологии, социальной психологии и других дисциплин, имеющих практические наработки, готовые к использованию для анализа ситуации с целью решения практических проблем.

Социальная рискология всегда экономически ориентирована (проблемные ситуации имеют экономическую составляющую). Переходная экономика, «неоднозначность» приватизационных процессов, «пронизанность» ситуаций теневыми, незаконными, коррупционными отношениями создают предпосылки для многократного взаимного усиления социогенных и техногенных рисков.

Работы по различным проблемам социального риска стали в России активно публиковаться начиная с 90-х годов прошлого века.

Наряду с природогенными (природными) рисками, представленными землетрясениями, наводнениями, оползнями, засухой, лавинами и цунами, и техногенными (технологическими) рисками, возникающими вследствие взрывов и пожаров, химических и радиационных загрязнений и различных транспортных проблем, стало принято говорить о социогенных (социальных, общественных, социально-политических и даже социокультурных) рисках, представленных широким набором разноплановых явлений.

Так, трансформационные процессы в экономике вызвали из небытия такие связанные с рыночной экономикой социальные проблемы, как безработица, рынок труда, конкуренция, раздел и передел собственности, коррупция и организованная преступность. Изменения в политической сфере, связанные с демократизацией властных структур общества, неминуемо влекут за собой борьбу социальных групп, военно-политические конфликты, сепаратизм, де-

морализацию политики и права. Переход от идеократии к плюрализму в идеологии неизбежно связан с маргинализацией, с распадом национального самосознания, с ростом религиозных тенденций, с ценностными конфликтами, с аномией и девиантностью. Отказ от моностилизма и переход к полистилизму в культуре означает кризис семьи, образования и воспитания, социальный пессимизм, кризис духовности, искусства и СМИ.

Основные концепции, идеи, положения социальной рискологии с момента начала трансформаций в России и по настоящее время можно свести к следующим положениям:

1. Социология риска должна иметь дело с изучением социальных общностей как потенциальных субъектов и объектов риска. Под субъектами риска понимаются индивиды, организации и социальные институты, обладающие возможностью и правом принимать решения, затрагивающие интересы индивидов, социальных групп, регионов, обществ, которые испытывают на себе последствия принятых рискованных решений (объекты риска).

2. Социальная рискология должна работать на стыке различных обществоведческих и гуманитарных дисциплин, обращаясь к их материалу, синтезируя разноплановые данные, абстрагируясь при этом от исследования политических, экономических, этнических, демографических процессов.

3. Социологический анализ риска должен быть свободен от научного редуccionизма, то есть от представлений о том, что любое сложное явление можно свести к простому, к сумме его частей. В основе такого анализа могут лежать системная и синергетическая парадигмы.

4. Активность субъекта риска целесообразно выражать через категорию «поведение».

Для социологического анализа социального риска интересным представляется раз-

рабатываемое О. Н. Яницким понимание России как «общества всеобщего риска» [10]. Так, автор считает, что основными предпосылками формирования «общества всеобщего риска» в России являются:

1) отсутствие в профессиональной культуре и в научном познании риск-рефлексии как постоянного вычисления и анализа социальной и природной цены собственной деятельности;

2) пренебрежение необходимостью тратить часть ресурсов общества на создание «риск-порядка», понимаемого как встроенный в процесс общественного производства нормативно-ценностный регулятор, ограничивающий его рискогенность;

3) стирание граней между социальной нормой и патологией, примирение с риском как с неизбежным условием человеческого существования в современный период.

Поэтому атрибутивность риска для общества связана не только с управленческими ошибками, неточностями в действиях политических элит, в том числе и российского государства. Риск превратился в обязательный элемент современного социума также в силу его самоорганизационных процессов. Все это требует принципиальных изменений взаимодействия в системе «общество — факторы, управляющие им».

В числе современных западных специалистов, занимающихся исследованиями проблем социального риска, следует отметить Э. Гидденса [3], который считает, что нынешний этап цивилизации принципиально отличается:

– высоким динамизмом и возросшей скоростью изменения всех процессов в обществе;

– глобальностью пространства происходящих изменений — все регионы мира информационно и социально взаимодействуют друг с другом;

– появлением социальных форм и институтов, которые ранее не существовали.

Избежать рисков, создаваемых социокультурной средой, невозможно, поэтому

требуются различные «инструменты», позволяющие адаптироваться к новым условиям существования человечества. К ним относятся:

- образование институционально ограниченной среды рисков;

- уменьшение риска для жизни индивидов;

- контроль над рисками, и особенно над рисками возникновения событий со значительными последствиями как результатами глобализации;

- доверие субъекта к социальным институтам как необходимое условие снижения или минимизации риска, поскольку при этом появляется возможность воздействовать на огромные массы индивидов.

В работах Н. Лумана, посвященных проблемам риска, объясняется сущность социального характера риска с помощью понятия «порог катастрофы» [6]. Этот термин отражает готовность субъекта (индивидуального или коллективного) воспринимать определенные ситуации либо как допустимо опасные, либо как за пределами опасные.

Существенное значение для анализа специфики эволюции социальной и политической сфер общественной жизни имеет также введенный Н. Луманом термин «риски власти». Власть опирается на информацию, которая в наши дни (по различным причинам) зачастую недостоверна. Существование волн дезинформации на всех уровнях общества, включая и тот, где принимаются ответственные управленческие решения, позволяет выдавать желаемое за действительное, что влечет за собой шлейф ошибок в управлении и контроле. Все это усиливает дезориентационные процессы в обществе, ведет к хроническому злоупотреблению властью.

Одно из самых важных достижений западной социологии риска было реализовано в работах У. Бека [2], выдвинувшего концепцию «общества риска». Последнее обладает такой чертой, как катастрофичность. В обществе риска, в отличие от клас-

сического общества, где главной задачей было устранение нужды, таковой становится проблема осознания и преодоления страха социальными субъектами. Если для индустриального общества главным было производство и распределение благ, ценностей, то для общества риска таковым стало воспроизводство и распределение опасностей и рисков. В обществе риска иная ситуация: по мере его развития появляется все больше опасностей, угроз и рисков, например, в виде загрязнения воздуха и воды, сокращения биологического разнообразия, истощения озонового слоя, изменения климата, увеличения техногенных катастроф.

Таким образом, общество риска – это система, которая воспроизводит риски во всех сферах жизнедеятельности общества: экономической, политической, духовной, социальной. Наличие фазы производства риска «ведет» за собой и другие фазы – распространение и потребление риска. В обществе риска нарастают противоречия между теми, кто подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду; теми, кто производит риски, и теми, кто их потребляет. Кроме того, рискам свойственна тенденция глобализации. Это приводит к возникновению охватывающей весь мир зависимости от рисков, перед лицом которой индивидуальные возможности выбора не имеют особого значения. Движущей силой этого нового мира становится «общность страха», тем самым активизируется вопрос о роли мирового сообщества в регулировании все увеличивающихся рисков.

Особенность социологических взглядов У. Бека состоит в том, что они представляют собой новый парадигматический подход, принципы которого могут быть использованы для изучения особенностей современного развития социальной сферы общества, исследования способов поведения индивидов и общностей в экстремальных ситуациях, в условиях негативного изменения технологических, природных, экономических, социальных факторов их по-

вседневного бытия. Попытки подобного рода исследований предпринимались и в работах некоторых отечественных авторов [5].

Обзор наиболее распространенных концепций зарубежной и отечественной социологии, имеющих существенное теоретическое значение для исследования сущности социального риска и основных тенденций его трансформации в России, позволяет нам сделать следующие выводы, имеющие значение для разработки методологических проблем социальной рискологии:

1) «глобализация риска» – риски, угрозы модернизируются, преодолевают границы государств, приобретают общецивилизационный размах, затрагивают все большие массы людей;

2) «институционализация риска» – а) расширяется круг социальных институтов, занимающихся управлением риском; б) появляется все больше организаций, которые воспринимают риск в качестве естественного принципа собственных действий (например, биржи, рынки инвестиций, страхование, игорный бизнес и т. п.);

3) «непреднамеренность риска» – негативные последствия риска возникают и могут усиливаться в результате непреднамеренных (непредумышленных) действий субъектов – экологические риски как следствие индустриализации; риски ошибок в управлении;

4) «латентность рисков» – особенностью современного общества становится «невидимость» рисков. Многие из технологических, экологических, социальных рисков не могут быть восприняты органами чувств человека и с трудом поддаются математической калькуляции. Недоступность многих рисков обыденному знанию подпитывает иллюзию отсутствия опасности.

Большой практический интерес в исследовании социальных рисков представляет та их группа, источником которой являются непродуманные решения органов власти и управления или их неадекватные действия

при реализации тех или иных социально-экономических нововведений [1]. Применительно к отечественной системе управления такие решения принимаются на социальном, институциональном, региональном и организационном уровнях.

В качестве примеров таких **решений социального уровня**, принятых в последние годы, можно назвать монетизацию льгот на основе Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в котором была предусмотрена постепенная замена большинства льгот денежными выплатами соответствующим категориям населения (монетизация льгот).

Смысл принятых решений до населения доведен не был, хотя реальный размер социальных выплат с началом реализации закона значительно вырос и деньги, заменившие льготы, люди получали вовремя. В среднем расходы на социальную поддержку в России возросли в 2,8 раза: 301 миллиард рублей в 2005 году против 108 миллиардов в 2004 году. Благодаря реализации 122-го Закона за первый квартал 2005 года 312 тысяч льготников получили путевки на санаторно-курортное лечение, что в полтора раза больше, чем за весь прошлый год. Все федеральные льготники могут бесплатно ездить на пригородных электричках и 35,5 миллиона человек в I квартале 2005 г. этой возможностью воспользовались. Большинство субъектов Российской Федерации ввело единый социальный транспортный проездной билет, цена за который составляет примерно 45 процентов от стоимости обычного проездного билета. Средняя стоимость льготного проездного в регионах колеблется от 50 до 230 рублей в месяц, а денежная компенсация в среднем превышает цену проездного и составляет до 300 рублей в месяц [7].

Согласно сообщениям СМИ, в начале 2005 года по стране прокатилась широкая волна митингов против монетизации льгот.

Митинги отмечались в Подмосковье, в Удмуртии, в Свердловской области, во Владимирской области и т. д. [11]. В тот момент, по данным опросов Левада-центра, почти шесть человек из десяти были убеждены, что замена льгот денежной компенсацией ухудшит материальное положение людей.

Интересны и ответы на вопрос, касающийся непосредственно самих льготников: как сказалась монетизация на материальном положении конкретно их семьи. «Существенно или несколько ухудшила», – так в январе 2005 г. ответили трое из десяти опрошенных, а в мае таких стало меньше – только два человека из десяти. «Практически не изменила», – так считали 44 процента в январе и почти 60 – в мае. «Существенно или несколько улучшили» свое материальное положение 17 и 13 процентов соответственно.

Примером **рискованных решений институционального уровня** может стать военная реформа. Согласно решениям федеральных органов власти, в России проводится глубокая военная реформа. Обращаясь только к открытым публикациям по социальным ее аспектам, отметим что реформа армейского ведомства предполагает уход из армии более 150 тысяч кадровых военных. С учетом ситуации их семей речь идет о дальнейшей судьбе примерно полу-миллиона российских граждан. При этом все, кому положено, получают квартиры и социальные выплаты, отставников бесплатно переучат на мирные профессии и помогут трудоустроиться. Минимизировать моральные и материальные потери увольняемых призвана специальная ведомственная целевая программа ценою в 113 миллиардов рублей [9]. Тем не менее реформа встречает в обществе, как минимум, настроенное отношение, что видно, например, из данных опроса, проведенного Левада-центром в марте 2009 года [12].

Из материалов опроса видно, что на сегодняшний день в обществе нет единого мнения по поводу военной реформы: то ли

сохранять всеобщую воинскую обязанность (47%), то ли переходить к контрактной армии (43%), то ли сокращать количество военнослужащих (46%), то ли – нет (40%). Вместе с тем прослеживается устойчивая тенденция увеличения числа противников военной реформы, т. е. тех, кто выступает против профессиональной армии и против сокращения численности вооруженных сил. В 2000 году таких насчитывалось 30%, в 2009 – 47%.

Примером подобных **решений регионального уровня** может служить рост ввозных пошлин на иномарки в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. № 943.

Такое изменение «правил игры» привело к тому, что, например, ввоз иномарок через порт Владивосток сократился почти в 18 раз и составил 5 процентов от уровня прошлого года. Если в прошлом году в среднем оформлялось, по данным таможи, около 900 автомобилей в день, то сейчас – приблизительно 50 [13].

Принятые решения, которые объяснялись необходимостью поддержки отечественного автопрома и которые больно ударили по торговле иномарками, привели к широким протестам населения. Так, во Владивостоке первая акция протеста приморцев состоялась 14 декабря. Через неделю, 20 декабря, все подъезды к централь-

ной площади Владивостока были перекрыты, однако около 500 автомобилистов все-таки просочились в центр, при этом милиция задержала около 15 человек [8].

Примеры подобных **решений на организационном уровне** в условиях кризиса можно приводить бесконечно, причем такие решения затрагивают иногда десятки тысяч человек, работающих на предприятии, а если предприятие является градообразующим, то решение о размещении или неразмещении на нем госзаказа лишает средств к существованию сотни тысяч человек. Принятие подобных решений без предварительной оценки социальных рисков в XXI веке является, по меньшей мере, странным.

Исследованием таких рисков и должна заниматься социальная рискология. Актуальность соответствующей проблематики в современных условиях обуславливает развитие самых различных направлений в исследовании социальных рисков, а также создание целостных концепций данного явления, как на макро-, так и на микроуровне. Отправным пунктом при этом становится представление о том, что, собственно, представляет собой риск вообще и социальный риск в частности, каково его содержание, факторы, особенности его проявления на этапе трансформации современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альгин А. П.* Особенности управления риском на федеральном, региональном и местном уровнях власти в России // Северо-Западная академия государственной службы: Ежегодник. СПб., 1999.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Альманах THESIS. Риск. Неопределенность, случайность. 1994. № 5.
4. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М., 1996
5. *Исаев К.* «Общество риска» в условиях глобализации // СОЦИС. 2001. № 4.
6. *Луман Н.* Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. Вып. 5. С. 144.
7. Российская газета. 2005. 14 апреля.
8. Российская газета. 2008. 24 декабря.
9. Российская газета. 2009. 27 марта.
10. *Яницкий О. Н.* Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6.

11. www.rg.ru, 14.01.2005.
12. <http://www.levada.ru/press/2009033003.html>.
13. <http://www.rg.ru/2009/01/23/inomarki-anons.html>.

REFERENCES

1. *Al'gin A. P.* Osobennosti upravlenija riskom na federal'nom, regional'nom i mestnom urovnjah vlasti v Rossii // Severo-Zapadnaja akademija gosudarstvennoj sluzhby. Ezhegodnik. SPb., 1999.
2. *Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M., 2000.
3. *Giddens E.* Sud'ba, risk i bezopasnost' // Al'manah THESIS. Risk. Neopredelennost', sluchajnost'. 1994. № 5.
4. *Ionin L. G.* Sociologija kul'tury. –M.; 1996
5. *Isaev K.* «Obshchestvo riska» v uslovijah globalizacii // SOCIS. 2001. № 4.
6. *Luman N.* Ponjatje riska // Al'manah THESIS. 1994. Vyp. 5. S. 144.
7. Rossijskaja gazeta. 2005. 14 aprelja.
8. Rossijskaja gazeta. 2008. 24 dekabnja.
9. Rossijskaja gazeta. 2009. 27 marta.
10. *Janickij O. N.* Ekologicheskaja sociologija kak risk-refleksija // Sociologicheskie issledovanija. 1999. № 6.
11. www.rg.ru, 14.01.2005.
12. <http://www.levada.ru/press/2009033003.html>.
13. <http://www.rg.ru/2009/01/23/inomarki-anons.html>.